

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 47

**Томск
2013**

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.018.5

ТРАНСКОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В.И. Кабрин (Томск)

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № 14.В37.21.0277 от 26.07.2012 г.).

Аннотация. Результаты кросс-культурных исследований коренным образом меняют отношение к традиционным психологическим парадигмам (гипотеза Сепира – Уорфа, различение *emic*- и *etic*-исследований, фундаментальная проблема несоизмеримости). Транскоммуникативная парадигма позволяет трансформировать обстоятельства несоизмеримости в транскоммуникативную модель эквивалентности и тем самым принципиально расширить круг сравнимости в кросс-культурных исследованиях. Этот факт анализируется на примере исследования математической креативности.

Ключевые слова: транскоммуникативная парадигма; кросс-культурное исследование; лингвистическая и культурная несоизмеримость; транскоммуникативная эквивалентность.

Состояние проблемы. Кросс-культурные психологические исследования начинались с применения традиционных схем тестирования, однако по мере расширения масштаба и увеличения разнообразия исследуемых культур, особенно с привлечением альтернативных, находящихся за рамками так называемого осевого исторического времени (Ясперс) [17] с акцентом на динамику онтогенетического развития (М. Мид) [10], ученые столкнулись с существенными барьерами, преодолевая которые они сами были вынуждены формулировать альтернативные концепции, противоречащие традиционным психологическим представлениям (Мацумото) [3, 7].

В этой связи показательна попытка одного из известных представителей данного направления – Ф. Вивьера [1] – попробовать сохранить статус-кво традиционной психологии с помощью серии компромиссов. В одной из известных антологий под редакцией Д. Мацумото «Психология и культура» (2003) в достаточно репрезентативном разделе «Эволюция кросс-культурных методов исследования» он рассматривает способы преодоления барьеров интерпретации в сравнительных исследованиях в силу несоизмеримости, несоразмерности смысловых семантических культурных пространств. Для этого он вводит два базовых конструкта – *отклонения* и *эквивалентность*.

Под отклонениями понимается наличие мешающих факторов, которые ставят под сомнение сравнимость оценок, полученных в разных культурных группах. Если полученные оценки подвергаются влиянию отклонений, их психологическое значение зависит от группы, и различия между группами в итоговых оценках должны, по крайней мере до некоторой степени, объясняться дополнительными психологическими конструктами или измерительными артефактами. Наличие отклонений делает сравнимость оценок, полученных в разных культурах, еще более проблематичной. Наличие отклонений, влияющих на сравнимость, при оценке различных параметров заставляет обратиться к понятию эквивалентности. Под эквивалентностью понимается сравнимость оценок, полученных при тестировании в различных культурных группах. Отклонения и эквивалентность связаны между собой. Можно доказать, что эти понятия являются зеркальным отражением друг друга: отклонения являются синонимом неэквивалентности и наоборот, эквивалентность предполагает отсутствие отклонений.

По Ф. Вивьеру можно выделить три источника отклонений при кросс-культурном исследовании.

Так, отклонения, связанные с конструктом, имеют место, когда оцениваемый конструкт не является идентичным в разных группах или когда поведение, определяющее сферу интересов, с которой связаны тестовые задания, в различных культурах не является тождественным.

Отклонения, связанные с методом, причиной которых может быть несравнимость выборок, особенности инструментария, влияние экспериментатора и метод проведения тестов. На уровне тестовых заданий встречаются отклонения, связанные с различной функциональной значимостью этих тестовых заданий.

Тестовое задание провоцирует отклонения, если люди с одинаковым отношением к лежащему в основе конструкту (положим, с одинаковым уровнем умственных способностей и образования), но принадлежащие к разным культурным группам, показывают разный уровень средних оценок при выполнении данного задания.

Исследователь выделяет четыре типа эквивалентности. Первый тип определен как неэквивалентность конструкта. Он означает сравнение «коня и трепетной лани» (например, сравнение восточной и западной сыновней благодарности). Поскольку общие признаки здесь отсутствуют, то сравнение проводиться не может.

Второй тип – структурная эквивалентность. Инструмент, который применяется в различных культурных группах, обладает структурной эквивалентностью, если в этих группах при помощи него оценивается один и тот же конструкт. Структурная эквивалентность не требует обязательного использования идентичных инструментов для исследования разных культур.

Третий тип эквивалентности – эквивалентность единиц измерения. Инструменты соответствуют требованиям данного типа эквивалентности, если их шкала измерений включает единицы измерения одних и тех же параметров, имеющих различное происхождение. Такой тип эквивалентности предполагает оценку коэффициента соответствия (одними и теми же единицами измерения в каждой культуре).

Прямые сравнения можно проводить в случае четвертого типа – скалярной, т.е. полной, эквивалентности. Это единственный тип эквивалентности, который допускает статистические тесты, сравнивающие средние значения (t-тесты и дисперсионный анализ). Этот тип эквивалентности предполагает один и тот же интервал или шкалу отношений в разных группах и дает возможность без риска пренебречь воздействием отклонений [1. С. 143–146].

Несмотря на тщательный анализ проблем кросс-культурного исследования, остается впечатление, что автор не захотел заглянуть в значительно более глубокие и трудно осознаваемые различия культур, делающих проблему их несоизмеримости существенно более сложной. Необходимость понимания и интерпретации соответствий в различиях при всей их несоизмеримости требует обратиться к более радикальным гипотезам и концепциям теории лингвистической и культуральной относительности, истоки которой мы находим в концепциях Сепира–Уорфа, М. Куна, П. Файерабенда и других [8, 12].

Проблема кросс-культурных исследований в транскommунитивной перспективе. В контексте кросс-культурных исследований транскommунитивная перспектива их развития, возможно, начинает проявляться с гипотезы лингвистической относительности Сепира–Уорфа. Исследователь кросскультурных направлений в психологической антропологии С.В. Лурье отмечает, что «...в 1911 г. Ф. Боас утверждал, что антрополог должен тщательно изучать функциональную лингвистику, чтобы понять, как туземец думает. Он подчеркивал, что синтаксис языка может рассматриваться как “когнитивное бессознательное”, поскольку большинство людей не знают о синтаксических структурах языка, на котором говорят. Наиболее влиятельной фигурой из антропологов-пионеров в лингвистическом анализе был Э. Сепир» [8. С. 63–64].

«При этом Сепир настаивал на важности отдельной личности и был неудовлетворен культурологическими подходами, в которых индивид рассматривался как пассивный носитель культуры. Он писал, что “культуры являются просто абстрактными конфигурациями моделей, идей и действия, которые имеют бесконечно различные значения для разных индивидов в группе”. Он также отмечал, что не существует двух достаточно похожих языков, которые можно рассматривать как представляющие одну социальную реальность. Миры, в которых живут различные общества, являются отдельными мирами, не просто

один и тот же самый мир с прикрепленными к нему различными ярлыками» [8. С. 64–65].

Его последователь Б. Уорф (исследователь в области бихевиоральных наук) развивал такой ход мысли следующим образом: «Возможно, многие согласятся с утверждением, что общепринятый паттерн употребления слов часто предшествует определенным линиям мышления и формам поведения, но соглашающийся часто не видит в таком утверждении ничего более, как простое признание гипнотической власти философской и заученной терминологии, с одной стороны, или ходячее выражение, лозунг или призывный клич – с другой. Смотреть так ограниченно – значит упускать из вида одну из важнейших взаимосвязей, которую Сепир видел между языком, культурой и психологией» [20. С. 242]. Уорф особенно фокусировал внимание на концепциях пространства и времени, имплицитных в различных лингвистических системах. В частности, он утверждал, что «мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит – в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, соотносительности языковых систем» [11. С. 26].

Один из известных альтернативных методологов науки П. Файерабенд [12] продолжает эту тему в более широком методологическом контексте.

«Я с большой симпатией отношусь к концепции, ясно и изящно сформулированной Уорфом, которая утверждает, что языки и схемы реакций, содержащиеся в них, представляют собой не просто инструмент для *описания* событий (фактов, положений дел), а являются также *формообразующими матрицами* событий (фактов, положений дел) и что их “грамматика” содержит некоторую космологию, всеобъемлющее воззрение на мир, общество и положение в нем человека, которое оказывает влияние на мышление, поведение и восприятие людей. Согласно Уорфу, космология языка отчасти выражается посредством явно используемых слов, однако она также опирается на классификации, которые не имеют явных обозначений, но действуют через незримый “центр обмена” соединительными связями так, что детерминируют другие слова, обозначающие классы... *Скрытые* классификации (которые благодаря своей неявной природе скорее чувствуются, чем понимаются, – осознание их носит интуитивный характер, – которые вполне могут быть более рациональными, нежели явно выраженные классификации, и которые могут быть весьма “тонкими” и не иметь

связи с какой-либо важной дихотомией) создают устойчивое противодействие значительному *отклонению* точек зрения. Если такое противодействие направлено не против признания истинными противостоящих альтернатив, а против самого допущения об их существовании, то мы получим пример *несоизмеримости*... Научные рассуждения действительно могут встречать устойчивое сопротивление, и можем предполагать, что несоизмеримость будет встречаться также и среди теорий... Наше отношение к представителям других рас или иных культур часто зависит от “застывших” (психологических) установок: научившись “прочитывать” внешний вид некоторым стандартным образом, мы высказываем стандартные оценки и *ошибаемся*» [12. С. 370–374].

В связи с данным замкнутым кругом несоизмеримости не только в кросс-культурных, но и в междисциплинарных исследованиях в культурной антропологии развились идеи о соотношении двух типов исследований. Известный антрополог Дж. Берри в связи с кросс-культурными исследованиями выделил *emic*- и *etic*-типы исследования на основе различий, сделанных ранее лингвистами между фонемикой и фонетикой.

«В то время как фонетика имеет дело с универсальными свойствами произносимого звука, фонемика касается способов, посредством которых такие звуки формулируются внутри контекста отдельных слов и языков. Подобным образом Дж. Берри доказывает, что *etic*-анализ человеческого поведения – это тот, который фокусируется на универсалиях. Например, мы все едим, имеем близкие отношения с конкретными другими и все имеем способы приветствия незнакомых.

Emic-анализ этих поведенческих черт сосредотачивается на различных способах, которыми каждая из этих деятельностей осуществляется в специфическом культурном окружении. Берри доказывает, что многие попытки повторить *emic*-исследования, проведенные в США, в других частях мира могут быть классифицированы как навязанные *etic*-исследования... Вместо применения навязанных *etic*-измерений он намечает стратегию для достижения более валидного комплекса *etic*-обобщений. Они должны быть достигнуты путем проведения параллельных *emic*-исследований внутри ряда национальных культур. Если мы действительно обнаруживаем некоторую конвергенцию между результатами, получаемыми внутри каждой культуры, мы можем быть относительно уверенными, что идентифицировали процессы, которые являются эквивалентными, и мы можем делать *etic*-обобщения, по крайней мере, о ряде культур» [8. С. 257–258].

С точки зрения *теории транскомуникации*, базирующейся на фиксируемых феноменах сообщаемости инаковых несоизмеримых коммуникативных миров, на наш взгляд, можно сделать более существенный шаг в развитии качественных кросс-культурных исследований по сравнению с традиционными *etic*-обобщениями.

Транскоммуникативный подход: от несоизмеримости – к соответствию. Транскоммуникативный подход, развивающий представления о *ноэтической, архетипической* [4–7, 14–16] природе становления человека, позволяет сделать следующий шаг в понимании возможностей сравнения, соотнесения, обобщения *несоизмеримого* в разных культурах. Может быть поставлена задача, как перейти от епис-анализа, рефлексирующего несоизмеримость, к возможному *соответствию* несоизмеримого. Дело в том, что транскоммуникация в широком смысле может быть определена как сообщаемость *инаковых, разнопорядковых, разномерных* миров (прежде всего культурных).

Начиная с Анаксогора, несмотря на многие усилия Платона, неоплатоников, феноменологов и др., психологами и культурологами до сих пор плохо отрефлексирована и даже не ассимилирована базовая «ноэтическая идея» – тонкая, более многомерная реальность в виде высшего Разума (Ноуса), которая, проявляясь в грубой плотной реальности (в которую фатально погружено наше плотное тело) и организуя ее, все же *не смешивается* с ней (т.е. остается идеальной). При этом физическая реальность в меру своих возможностей оказывается *соответствующей* ноэтическим эйдосам. Сообщаемость разнопорядковых миров человека как соответствие их друг другу образует базовую феноменологию транскоммуникации.

Так, пронзительная мысль, образ, фантазия могут вызвать в человеке как организме комплекс адекватных органических реакций: образ как бы переходит в слезы, смех, характеризующиеся органическими метаболическими изменениями, адекватными смыслу образа. При этом образ не перестает быть образом, а мысль – мыслью. Поэтому мир эйдосов и мир органических процессов как разнопорядковые миры оказываются *сообщающимися*, т.е. между ними образуется соответствие.

Можно предполагать, что аналогичные процессы происходят при взаимодействии различных культур, когда, на первый взгляд, мы видим несоизмеримые картины мира, но уже можем надеяться на обнаружение соответствий с помощью исследовательской транскоммуникации. Например, мы будем приближаться к установлению таких соответствий, если, кроме традиционных независимых переменных (образование, социально-экономический статус), у представителей сравниваемых культур выявим различие и соотношение *базисной* (А. Кардинер) [18], *модальной* (К. Дюбуа, Э. Уоллес) [8], *маргинальной* (Р. Парк, Э. Стоунквист) [13, 19] и «мультикультурной» (К. Юнг) [16] личности. По мере увеличения веса от первого к последнему типу личности возрастает потенциал реализации транскоммуникативных соответствий.

Транскоммуникативная схема кросс-культурного исследования: математическая креативность как первичная верификация метода. Язык математики в целом отчетливо тяготеет к межкультурной универсальности, как язык музыки (что заметил еще Пифагор).

При этом сразу бросается в глаза специфическая культуральная принадлежность музыкальных жанров. Относительно «математических жанров» такая специфическая ассимилированность специфической культурой неочевидна. Поэтому методологический тезаурус кросс-культурного исследования математической креативности должен включать несколько уровней анализа, в конце которого нужно получить определенное соотношение между несоизмеримыми (емис-областями) и возможными *транскоммуникативными соответствиями*, что само по себе представляет интенсивный креативный процесс. Например, необходимо хорошо знать разные способы обращения с числами в различных культурах.

Так, М.-Л. фон Франц [14] отмечает, что очевидные результаты голосования для западной культуры – 8 против 3 – имели противоположный результат в одном из исторических событий в Китае, когда император отдал предпочтение меньшинству из-за большого качественного преимущества числа 3 в китайской ментальности. При этом принятое решение наступать при меньшинстве согласных привело к победе в ключевом сражении. Кстати, современные социальные психологи все большее внимание обращают на феномен более интенсивного влияния меньшинства на большинство.

В рамках принятой концепции соотношения количественных и качественных характеристик числовых, математических систем можно выделить три этапа исследования и анализа.

Первый этап исследования может заключаться в элементарных сравнениях работы с базовыми числовыми количественными закономерностями, такими как: регулярные и иррегулярные; рациональные и иррациональные; прогрессивные и регрессивные; тождественные и подобные; соизмеримые и несоизмеримые; соразмерные и несоизмеримые; соответствующие и несоответствующие; транзитивные и нетранзитивные; изоморфные и гомоморфные.

Второй этап исследования необходимо должен включать сравнения переводов, транзитов количественных характеристик и качественных структурных конфигуративных свойств чисел и числовых образований. Можно было бы, например, начать с применения Теста математических аналогий, разработанного А.Г. Гайштуттом [2], тем более что он привязан к конкретным классам от младших до старших общеобразовательной школы. Можно предполагать, что на этом этапе выявятся более яркие культурные различия, образующие потенциальное пространство поиска разнопорядковых их соответствий (транскоммуникативной сообщаемости) в разных культурах.

Третий этап исследования должен быть организован как герменевтический анализ имплицитных соответствий между культурами на основе *транскоммуникативного интервью*. Это интервью основано на общей теории транскоммуникации, изложенной выше, включающей

четыре уровня анализа. На данном этапе целесообразно сконцентрировать интервью на первых двух уровнях – уровне *встречи* и уровне *транскоммуникативной ситуации*.

Встреча с математическим материалом школьника, студента анализируется по базисным лучам стресс-трансформации – катарсису, импринтингу, экстенсии, инсайту. Надежность анализа повышается, если интервью предшествует наблюдение за психологической динамикой решения задач, например, в тесте А.Г. Гайштута. Здесь мы получаем описательные модели процесса, в которых повышается вероятность обнаружения соответствий.

Транскоммуникативная ситуация определяет структуру и характер самого процесса интервьюирования. Кроме характера интуитивной вовлеченности в материал, подтверждающего качества встречи, в интервью иницируется и стимулируется *одновременная обратная связь*, когда вербальная коммуникация интервьюера ориентирована на вызов невербальных реакций респондента, на вопросы, связанные с математическим материалом. В результате этого интервьюер как эксперт может проанализировать легкость и трудности трансмодального перевода визуальной информации от невербальной встречи в аудиально-вербальную. В этом процессе должны открыться характеристики понимания и соответствий транскоммуникативного преодоления межкультурных барьеров в работе с математическим материалом.

В идеальном случае для реализации предлагаемой схемы исследования желателен транскоммуникативный диалог математика, культуролога и психолога, в котором возникают наиболее существенные обобщения, и в этом смысле этот диалог может рассматриваться как четвертый заключительный этап исследования.

Литература

1. Вивьер Ф. Эволюция кросс-культурных методов исследования // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. С. 135–165.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб., 1999. 368 с.
3. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. М., 2008. 672 с.
4. Кабрин В.И. Концепция творческой коммуникации (из опыта психологических практик) // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 152–164.
5. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М., 2005.
6. Кабрин В.И. Психологический универсум человека нозтического // Психологический универсум образования человека нозтического. Томск, 1999. С. 47–59.
7. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / под ред. А.А. Белика. М., 2001. 555 с.
8. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. 624 с.
9. Любарт Т. Психология креативности. М., 1993.
10. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

11. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005.
12. Файерабенд П.К. Избранные труды по методологии науки. М., 2012. 542 с.
13. Феофанов К.А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии. (Обзор) // Общественные науки за рубежом. Серия 11. Социология. 1992. № 2. С. 70–83.
14. Франц М.-Л. Прорицание и синхрония. СПб., 2009. 224 с.
15. Хиллман Дж. Архетипическая психология. М., 2006.
16. Юнг К.Г. Aion. Исследование феноменологии самости. М., 1997.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
18. Kardiner A. Phycyological Frontier of Society. N.Y. : Columbia University Press, 1939.
19. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. N.Y. : Russel & Russel, 1961.
20. Whorf B.L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Classic Contribution to Social Psychology. New York ; London, 1972. P. 242–243.

TRANSCOMMUNICATIVE PARADIGM IN CROSS-CULTURAL RESEARCH

Kabrin V.I. (Tomsk)

Summary. Results of cross-cultural researches radically change the relations to traditional psychological paradigms (Sepir's hypothesis – Uorf, distinction emic-and etic - researches, a fundamental problem of an incommensurability). The transcommunicative paradigm allows to transform circumstances of an incommensurability to transcommunicative model of equivalence and by that essentially to expand a comparability circle in cross-cultural researches. This fact is analyzed on an example of research of mathematical creativity.

Keywords: transcommunicative paradigm; cross-cultural researches; linguistic and cultural incommensurability; transcommunicative equivalence.